

Моск. новости, 1985, 15 дек, № 50.

«Все сделанное...»

Алексей АДЖУБЕЙ

В эти сроки Константину Симонову исполнилось бы 70! Вот уже шесть лет его нет в живых, и юбилей этот можно даже назвать печальным.

Имя писателя не поросло травой забвения. О Симонове сейчас писали и говорили много — искренне и горячо. Книги Симонова издавались в нашей стране и за рубежом на многих и многих языках тиражом в 51 миллион экземпляров! Самая популярная из этих книг — роман «Живые и мертвые». Он о минувшей войне, о людях, которые вынесли на своих плечах ее безмерную тяжесть и остались с нами — живые и мертвые, в равной мере определяющие нравственные устои народа, победившего фашизм.

Так случилось, что в середине пятидесятих годов в общественных кругах разгорелась нешуточная по накалу страстей полемика об идеальном герое; о том, нужен ли он, да и возможен ли вообще в честной литературе. Симонова пугало скорее определение «идеальный герой», чем сама идея — он видел за этими требованиями схему, елей, нежизненность, отстаивая право литератора идти от сложных реальностей человеческого бытия. А в них, считал Симонов, замешено все: плохое и хорошее, ясное и туманное, ошибки и прозрения — неповторимая судьба человека, которую каждый строит сообразно собственным душевным силам.

Отчего я пишу об этом сейчас, спустя множество лет, когда спор остался далеко позади не только в теоретическом, но и в практическом плане? Что подтолкнуло мысль и память к минувшим борениям страстей, к запальчивым дням отошедшей в историю поры?

Конечно, истина рождается в споре. Но еще точнее истину определяет время. Для меня, как и для многих людей моего поколения, Симонов был и навсегда останется писателем, в чьих книгах живут разные люди, плохие и хорошие, умные и глупые, но в них прежде всего всегда присутствует человек-герой, наделенный множеством черт, неоднозначных, конечно, но у этого человека поверх всех других есть одна главная сущность — стойкость в убеждениях. Если хотите, идеальный герой.

С этими людьми, своими любимыми героями, Симонов не просто рядом, а в каждом из них. Его можно узнать в Серпилине и Синцове, в солдатах и полководцах, о которых он рассказывает, в нераздельности их судьбы.

В картине о Константине Симонове, показанной недавно по телевидению и созданной Центральной студией документальных фильмов, есть эпизод, подтверждающий эту истину. С высокой точки, с птичьего полета видим мы умиротво-

ренное летнее поле под Могилевом, различаем цвета земли и обрамляющих ее перелесков. Мир покоя и тишины заполняет комнату, в которой светится окно телевизионного экрана. Потом мы снижаемся к тяжелому лобастому камню у края поля и читаем: «Константин Симонов». Здесь, над этим полем развеян прах писателя. Быть может, кому-то эта последняя воля Симонова показалась странной — она не в русских традициях, — теперь мы понимаем, почему он просил об этом в прощальном письме. Хотел вернуться в свой боевой полк, к собратям по духу и оружию, к суровым, тягчайшим дням начала Великой Отечественной...

Константин Симонов (в центре), Александр Твардовский, Баграт Шинкуба. Абхазия, Гульрипши. 1969 год. (Кадр из фильма).

По многим причинам непросто было создать такой фильм. Симонов не был тем «легким и однозначным» человеком, каким мог представляться из-за удачливости личной судьбы. Кроме того, он с каждым годом наращивал тяжесть выпавшей на его долю писательской и человеческой ноши, хотя и чувствовал, конечно, что она близит трагическую развязку. Он и торопился от этого. Сказать о Твардовском, Булгакове, художнике Татлине, о многих других и многом другом. Но прежде всего о солдатах, о войне, поскольку считал данное дело главным для себя, военного писателя.

Фильм о Симонове начинается необычно. В студийной комнате трое: режиссер Владлен Трошкин, писатель-публицист Борис Панкин, актер Михаил Ульянов. Разными нитями связаны их собственные судьбы с судьбой писателя. Говорит каждый из них. И мысли, ставшие общим кредо авторов, поведут нас от эпизода к эпизоду, от ранних лет к зрелости и мудрости Симонова, пока мы не увидим, не почувствуем в последних страдальческих фотографиях писателя близость его кончины.

Не знаю, как других, а меня всегда чем-то пугало и пугает присутствие в кадрах, в звучаниях фильмов или телепередач живого голоса и живой стати человека, которого ты хорошо знал и которого уже нет. В особенности если сроки смерти близки и в подсознании не угас трагический импульс потери. Поначалу это непонятное и нелегкое ощущение возникает и в этой картине. Но постепенно оно рассеивается, и укрепляется признательность к создателям фильма, сумевшим перебросить мост к живому Симонову...

К тому, который сам читает свои бессмертные стихи «Жди меня», читает не так, как чаще всего читают поэты или актеры, а как читали их миллионы других людей, обращаясь к единственной женщине. И кто знает, отчего полны слез глаза поэта в эти мгновения?!

К тому, кто обращается к солдатам, работая над серией киномемуаров о войне. Внимательный, ловящий каждое слово, каждую фразу, такую, например: «Нам надо было на этой войне жить, понимаете, жить...»

К тому, кто, разговаривая с маршалом Жуковым, спрашивает у него, какой день поздней осени 1941-го был самым тяжелым и страшным для Москвы.

Есть в фильме еще один эпизод-находка, для того чтобы понять непоказные, скрытые, как бы совершенно частные штрихи труда, жизни, быта писателя. Бессменный литературный секретарь Симонова Нина Павловна Гордон по просьбе Михаила Ульянова раскрывает смысл двух букв, которые значатся на множестве папок в домашнем переплете: «ВС» — 19...

«ВС», оказывается, это «все сделанное».

Все. Сотни писем и ответы на них. Официальные бумаги. Участие в человеческих судьбах, спорах. Дела и обязательства писательские, депутатские, личные. Все собрано здесь как отчет человека перед самим собой. Те, кто знал Константина Симонова, помнят, что он не бросал слов на ветер, не обещал того, что не мог или не хотел сделать.

Фильм заставляет задуматься о том, какой необычайной широты поле деятельности у каждого человека — писателя, солдата, рабочего, актера. Было бы желание и воля тоже иметь папку с этими двумя буквами «ВС». Все доброе и умное, что сделано человеком на земле, и есть тот всеильный корень, из которого вырастает наше будущее.